

Рамаяна. Книга четвертая. Кишкиндха

Встреча с Сугривой, царем обезьян
Победа над Валином
Сугрива вновь воцаряется в Кишкиндхе
Сугрива забывает о своем обещании
Обезьяны в поисках Ситы
Встреча с ястребом Сампати

Встреча с Сугривой, царем обезьян

Начиналась теплая весна, когда Рама и Лакшмана пришли на чудесный берег озера Пампа. Все кругом расцветало, и нежная зеленая трава расстилалась под ногами сыновей Дашаратхи. Цветы повсюду раскрывали свои бутоны и сладостно благоухали. Легкий и нежный ветерок, подобный дыханию прекрасной Ситы, овеивал братьев чудесным ароматом. Птицы радостно порхали с ветки на ветку и весело резвились, предаваясь любви и забавам. Пчелы неутомимо вились над цветами, пили радужные капельки росы из бутонов и томно жужжали. Прекрасная весна пробудила к любви на земле все живое.

Печальный Рама сидел на берегу озера Пампа и вспоминал, как любила приход весны Сита, как оба они радовались первым весенним дням. Горестные слезы текли по щекам сына Дашаратхи, и он говорил Лакшмане печально: «Я не могу жить без Ситы, о сын Сумитры; не могу дышать, не видя глаз ее, удлинённых, как лепестки лотоса; не могу пить, не могу есть без улыбки ее и ласковых прикосновений. И дивно, о верный брат мой, все, что любил я раньше, все, что радовало мою душу, мне теперь, без Ситы, постыло: и эта весна с ее красою, и цветов душистый запах, и вся эта красота, что нас окружает, и птицы эти, и звери, и пчелы, которые полны сейчас любовной неги. Воротись, друг мой, в Айодхью. Бхарата своих братьев любит, он тебя ласково встретит. А мне теперь ничего не нужно – ни царства, ни власти, ни богатства. Была бы только рядом со мною Сита, и жили бы мы с нею в этом краю чудесном, и ничего мне больше не надо».

Лакшмана, любящий и верный, горевал вместе со своим старшим братом, утешал его ласковым словом и просил быть твердым, мужественным и терпеливым в случившемся с ним несчастье.

Братья отдохнули на берегу прекрасного озера Пампа и пошли к горе Ришьямука.

И увидел их повелитель обезьян Сугрива, лишенный власти своим братом Валином. Сугрива сидел со своими друзьями на вершине горы Ришьямука и со страхом смотрел на сыновей Дашаратхи, идущих по лесной дороге. В руках у них были луки и стрелы, у пояса висели кинжалы, на плечах были олени шкуры. Одежда на них была из бересты, и волосы, как у подвижников, заплетены в косы. Когда Сугрива увидел этих грозных воинов, он стал бегать по горной вершине и от страха не мог найти себе места. Бедный Сугрива подумал, что это брат его Валин прислал к нему беспощадных убийц под видом благочестивых подвижников.

Неизвестность и страх истомили испуганного Сугриву, и тогда он сказал Хануману, сыну Вайю, бога ветра, своему верному советнику и другу: «Спустись, Хануман, в долину и узнай, кто эти воины и куда они свой путь держат».

Хануман умел принимать любое обличье, огромным прыжком он спустился с горы в долину и обернулся нищим бродягой. Он подошел к сыновьям Дашаратхи, с почтением им поклонился и обратился к ним с вежливой речью: «По виду вы подвижники лесные, и люди вас, должно быть, почитают за святость. Но в руках у вас грозное оружие, и оно внушает страх обитателям леса. У вас могучие и длинные руки; как у львов, крепки ваши плечи, и поступь ваша царственна и властна. Лица у вас обоих прекрасны, и облик ваш говорит мне, что ваш род знаменит и знатен. Скажите мне, кто вы, о воины, и откуда. Меня послал к вам благородный Сугрива, еще недавно он был царем грозным и могучим, но коварный брат лишил его престола. В окружении своих верных друзей Сугрива живет на горной вершине Ришьямука. Я – Хануман, сын бога ветра и первый советник Сугривы».

Братья немного помолчали, а потом Рама велел Лакшмане ответить Хануману. И Лакшмана свой рассказ начал такими словами: «Наш отец – царь Кошалы Дашаратха, а мы его сыновья – Рама и Лакшмана. Мы добровольно ушли в леса, в изгнание, чтобы избавить отца от бесчестия. Равана, владыка ракшасов, похитил Ситу, прекрасную супругу Рамы. В поисках Ситы мы шли на юг по лесным дорогам, и встретился нам ракшас по имени Кабандха. Он сказал, чтобы мы шли к озеру Пампа, к горе Ришьямука, к повелителю обезьян

Сугриве. «Он поможет вам, – сказал Кабандха, – отыскать путь в царство Раваны и вызволить из плена Ситу». И вот мы пришли к озеру Пампа, к горе Ришьямука и хотим найти Сугриву и просить его оказать нам помощь». Так говорил Лакшмана, вспоминая все, что с ними случилось, и горькие слезы текли у него из глаз не переставая.

Мудрый Хануман ответил Лакшмане: «Мой повелитель Сугрива, как и вы, пребывает в печали и несчастье. Его лишил власти и богатства его могучий и жестокий брат Валин. Но сын Солнца, великий Сугрива, поможет вам вместе с нами отыскать прекрасную Ситу и вызволить ее из плена». И Хануман вместе с сыновьями Дашаратхи направился к господину своему Сугриве, а Рама и Лакшмана радовались встрече с благочестивым Хануманом, и на душе у них стало веселее. Хануман говорил с ними искренне и правдиво, и сыновья Дашаратхи поверили его обещаниям.

Когда они поднялись на вершину Ришьямуки, первый советник Сугривы доложил своему государю: «О мудрейший владыка, один из тех воинов, что пришли к нам, – это Рама, сын Дашаратхи, из рода царей Айодхьи; с ним Лакшмана, его младший брат. Они ушли из Айодхьи в изгнание, чтобы славный отец их не нарушил данного им слова и не навлек на себя позора. Сыновья Дашаратхи пришли сюда для встречи с тобою, они ищут твоей дружбы и союза с тобою. Когда Рама и Лакшмана были на охоте, коварный Равана похитил прекрасную Ситу, нежную супругу Рамы. Братьям надо отыскать к Раване дорогу и освободить царевну Митхилы. Сыновья Дашаратхи – могучие воины, не знающие поражений. Ты должен принять их, владыка, ласково и дружелюбно».

Слова Ханумана успокоили Сугриву. Он с радостной улыбкой вышел к сыновьям Дашаратхи и молвил с почтением Раме: «Государь, сын Ветра сказал мне, что ты ищешь дружбы со мною, что нет у тебя враждебных мне намерений. Великая честь для меня – союз с тобою. Ведь ты, о Рама, – великий воин из древнего и славного рода, а я – всего лишь бедная обезьяна без царства, без власти, без богатства. И если Хануман сказал правду, то я протягиваю тебе руку дружбы и предлагаю скрепить наш союз клятвой».

Рама с радостью пожал руку Сугриве, и они договорились о союзе, а затем по-братски обнялись. Хануман взял две сухие дощечки, стал тереть их одну о другую и добыл огонь для совершения жертвенного обряда. Друзья принесли богу огня, великому Агни, жертвы ароматными цветами, а затем Хануман поставил Сугриву и Раму у костра, одного против другого. Сугрива и Рама обошли вокруг огня, пылавшего ярко, и обряд заключения союза завершился. «Ты друг моего сердца, – говорил ласково Сугрива Раме, – и одни у нас отныне радости и беды».

Друзья сели на траву на вершине горы Ришьямука, и Сугрива рассказал сыновьям Дашаратхи печальную историю своей жизни: «Уже много лет я живу под гнетом вечного страха за свою жизнь. Меня всего лишили – царства, жены и богатства. Одно за другим преследуют меня несчастья, и в этом диком краю я спасаю свою жизнь. Мой злейший враг – могучий брат мой Валин, и он неустанно ищет моей смерти. Избавь меня, великий Рама, от страха перед Валином, от страха перед смертью, которой он мне угрожает. О Рама! Помоги мне избавиться от страха!»

Благородный Рама ответил Сугриве: «О могучий вождь обезьян! Я свято исполняю все законы, которые предписывает дружба. Похититель твоей супруги погибнет. Ты сегодня увидишь его мертвым. Мои стрелы, подобные ядовитым змеям, лишат жестокого Валина жизни». Слова доблестного сына Дашаратхи вдохнули в

печального Сугриву радость и надежду, и он с благодарностью сказал Раме: «О Рама, ты – великий витязь! И среди воинов ты могучему льву подобен! Твоя сила вернет мне жену и царство! О божественный, непобедимый Рама, исполни свое обещание!

Послушай меня, о великий Рама, я знаю, какие беды привели тебя к озеру Пампа на поиски несчастного Сугривы. Хануман рассказал мне об этом. О всемогущий сокрушитель врагов, поверь мне, мы отыщем твою супругу, куда бы Равана ее ни спрятал. Когда коварный Равана уносил в поднебесье твою супругу, бедная Сита горестно кричала: «О Рама! О Лакшмана!» Увидев меня и моих верных друзей на горной вершине, она сбросила вниз лоскут своего платья. Я подобрал и сохранил этот лоскут. Я передам его тебе, могучий Рама, и ты его, наверное, узнаешь». Сугрива побежал в горную пещеру и быстро вернулся с лоскутком желтого шелка. Рама взял его бережно в ладони, и на глазах его заблестели слезы. И стало лицо Рамы как луна, покрытая росой. Рама сел печально на землю, устремил глаза на клочок платья Ситы и не мог отвести от него взора. Наконец Рама спросил Сугриву: «Скажи мне, Сугрива, когда ты видел бедную Ситу; скажи мне, где живет этот ракшас-похититель. Он совершил тяжкое преступление, он нанес мне смертельную рану, и все ракшасы на земле вместе с ним от моей руки погибнут».

Сугрива отвечал Раме, что не знает он, где живет и прячется Равана и каковы его оружие и войско. «Но ты не печалься, – сказал Сугрива Раме, – я честно клянусь помочь тебе вызволить Ситу. Но ты, могучий витязь, не предавайся так постигшему тебя горю. Ты – великий воитель, и крепка твоя воля, и негоже тебе, как женщине, проливать слезы. Когда горе целиком захватит человека, он уже не может бороться с врагами».

Слова Сугривы ободрили Раму, он вытер краем одежды лицо, залитое слезами, ласково обнял своего друга – обезьяну и сказал: «Скажи мне, Сугрива, что нужно сейчас для тебя сделать? Ты утешил меня своею дружбой и вернул мне бодрость и силу. С моей помощью ты всего достигнешь, я исполню все твои пожелания. Никогда в жизни не говорил я неправды, и ты сам в этом убедишься».

Так они беседовали друг с другом и радовались своему союзу и дружбе. А затем Рама сказал Сугриве: «Теперь ты мой верный друг и союзник. Расскажи мне все без утайки, почему возникла у тебя вражда с твоим братом. Если я буду знать правду о ваших раздорах, если будет мне доподлинно известно, в чем твоя правота перед братом, легче мне будет помогать тебе добиться справедливости и счастья».

И Сугрива стал рассказывать Раме, как случилась у него вражда с братом Валином, как потерял он жену, престол и богатство: «Когда скончался наш великий родитель, царем стал мой старший брат Валин, а я был ему верным другом и слугою. Но однажды пришла беда к воротам Кишкиндхи, нашей столицы. Пришел туда могучий асура по имени Маяви, постучал кулаком в ворота и, страшно рыча, вызвал Валина на поединок. Это случилось ночью, и все обитатели Кишкиндхи спали. Страшное рычание Маяви разбудило моего царственного брата. Горестно заплакали его жены, они просили Валина не вступать с асурой в схватку ночью, но храбрый брат мой их не послушал и бросился асуре навстречу. Жены царя Кишкиндхи преградили ему дорогу, бросились с мольбой перед ним на колени, но Валин отстранил их и пошел в гнев к воротам Кишкиндхи. Я был преданным и любящим братом и пошел за государем следом. Но когда асура увидел, что нас перед ним двое, он испугался и обратился в бегство. Полная луна ярко блистала на небосводе, и дорога была светла и пустынна. Мы побежали за ним в погоню.

Вскоре он добежал до большой норы, которая вела в глубокую подземную пещеру, вскочил в нее, а мы с Валином остались снаружи. Царем Кишкиндхи овладела ярость, и он сказал мне: «Ты, Сугрива, стой на страже у входа, а я полезу в подземелье и убью там дерзкого Маяви». Целый год я простоял на страже у входа в подземелье, а брат мой все не появлялся. А потом я увидел, что из норы кровь потекла ручьями, и до слуха моего докатилось рычание асуры Маяви. А голоса брата моего не было слышно. Горькая печаль тогда меня охватила. Я подумал, что брат мой, наверное, погиб в этой подземной битве, и я вернулся в Кишкиндху, завалив большой скалой вход в пещеру.

Когда я, охваченный горем, рассказал о случившемся несчастье царским советникам в Кишкиндхе, они решили посадить меня на царство. Я старался править мудро и справедливо, но вдруг однажды приходит в Кишкиндху Валин, живой и невредимый. Он убил своего врага в битве, и глаза его покраснели от гнева, когда он увидел меня на престоле. Своих советников он предал страшной казни, обвинив их в коварной измене, а на меня набросился с бранью. Валин всегда был для меня господином, и я покорно слушал его упреки. Я радовался его победе и счастлив был, что он вернулся в Кишкиндху. Я почтительно перед ним склонился и поставил себе на голову его ногу. Но злоба и ярость Валина не утихли. Он не хотел мне больше верить, и я стал опасаться за свою жизнь. Я хотел умиловить Валина и сказал ему искренне и правдиво: «Какое великое счастье, государь, для Кишкиндхи, что ты вернулся здоровым и невредимым, уничтожив своего врага

в кровавом поединке. Ведь ты для нас – прибежище и защита, и беспомощны мы, когда ты не с нами. Я буду счастлив, великий царь, служить тебе снова верой и правдой. Целый год я ждал тебя у входа в пещеру, не отходя от него ни на минуту. А потом я увидел кровь, текущую из пещеры, услышал победные крики Маяви, а твоего голоса не слышал. В великом горе я оплакал твою кончину, завалил скалой вход в пещеру и пошел в печали в Кишкиндху. Твои друзья, советники и родные, оставшись без великого государя, заставили меня править страной. Но вот, к радости всей Кишкиндхи, ты вернулся, победоносный, и правь теперь ты нашей державой, а я снова буду твоим верным слугою».

Но Валин мне больше не верил. Он осыпал меня жестокой бранью, обвинял меня в предательстве коварном и причинил мне смертельную обиду. А затем он собрал в дворцовом зале своих приближенных и рассказал им, как преследовал он асуру Маяви, как искал его год целый в подземелье и убил его в жестокой битве. А потом Валин стал выбираться из пещеры и не мог никак оттуда выйти. Он звал меня на помощь и не мог дозваться, и с большим трудом ему удалось кое-как отодвинуть скалу от входа и выбраться из подземелья. И вот он пришел к себе в столицу и застал другого на престоле. И Валин сказал своим приближенным, что он обвиняет меня в измене. Он сказал им, что я нарочно не стал его дожидаться, что я покусился на его жизнь, завалив вход в пещеру, чтобы захватить власть в Кишкиндхе. А затем Валин с одобрения своих приближенных отобрал у меня дом, жену и богатство и выгнал меня из Кишкиндхи.

И стал я бродить по свету и нигде не мог найти безопасного места. Мне нужно было где-нибудь укрыться от Валина, чтобы оградить себя от его злобы и мести». Так закончил свой печальный рассказ Сутрива, и Рама стало жалко несчастную обезьяну. Жестокость и несправедливость Валина разгневала благородного сына Дашаратхи, и он обещал Сутриве достойно наказать его злого брата.

Неведомо было печальному Сутриве, как могуч был старший сын Дашаратхи. Он боялся, не случится ли так, что Валин окажется сильнее Рамы. И тогда Сутрива решил рассказать Рама о том, как Валин сражался с асурой Дандхуви: «Асура был огромного роста, и сила у него была неизмерима. Он со многими вступал в единоборство, но достойного ему соперника не находилось. Дандхуви с корнем вырывал из земли деревья, играл скалой, как деревянным мячиком, и мог по желанию обращаться в свирепого буйвола с острыми и крепкими рогами.

И вот однажды сведущие люди сказали асуре, чтобы он направился в Кишкиндху и вызвал на поединок Валина. Они рассказали ему, что Валин обладает непомерной силой и с охотой вступит с ним в единоборство. Асура так и сделал. Обернувшись свирепым буйволом, он подошел к воротам Кишкиндхи, страшно заревел и стал рыть копытами землю, с нетерпением ожидая битвы.

В этот час Валин был в своих покоях, и его окружали прекрасные и юные жены. Яростный крик буйвола его растревожил, и Валин помчался к воротам Кишкиндхи. Битва между ними была недолгой. Страшным ударом в темя Валин лишил буйвола жизни, а труп его забросил в лес, где жил отшельник Матанга. Тело буйвола пролетело по воздуху несколько йоджан, упало на землю рядом с хижиной Матанги, и на одежду подвижника брызнула кровь Дандхуви. Мудрый Матанга знал все, что творится на свете, и понял, что это Валин виноват в том, что его одежда окропилась кровью. И тогда благочестивый подвижник сказал, что, если Валин посмеет вступить в его лес хоть однажды, не избежать тому страшного проклятия. Поэтому, – сказал Сутрива Рама, – я и обитаю здесь, у леса Матанги, – Валин не решается и подходить к нему близко.

Я рассказал тебе все это, Рама, чтобы знал ты, насколько силен грозный Валин, чтобы ты еще раз подумал, можно ли тебе вступать с ним в единоборство. Хватит ли у тебя, благородный сын Дашаратхи, силы справиться в битве с Валином? Докажи мне чем-нибудь, что силы у тебя больше!»

Тогда Рама достал стрелу, натянул лук и спустил с тетивы стрелу. И та стрела насквозь пробила стволы семи деревьев, как масло, пронзила горную вершину и вернулась к Рама в колчан обратно. И Сутрива не мог сдержать своего восторга – от радости он пустился в пляс, сравнивая сына Дашаратхи с Индрой, воителем небесным. Более не сомневался Сутрива в победе доблестного Рамы.

ПОБЕДА НАД ВАЛИНОМ

Друзья собирались в путь недолго и вскоре отправились в Кишкиндху. Когда они подошли к городским воротам, Рама и Лакшмана укрылись в лесу, а Сутрива остался один у ворот и стал рычать громко и страшно. Заслышав это рычание, означавшее вызов на поединок, Валин выбежал из ворот Кишкиндхи, и началась смертельная схватка между братьями – обезьянними вождями. А Рама стоял в лесу с луком и стрелами наготове, но стрелять не решался: он боялся попасть стрелой в своего друга Сутриву. Два брата были очень

похожи друг на друга, и в бою нельзя было их отличить одного от другого. Бой недолго продолжался – Валин вскоре одолел Сугриву, и тот, разгневанный и побитый, побежал в лес. Лес принадлежал Матанге, и Валин боялся преследовать Сугриву, боялся, что проклянет его мудрый отшельник.

Сыновья Дашаратхи окружили Сугриву, успокоили бальзамом его раны, и Рама в ответ на упреки Сугривы объяснил ему, почему он стрелять не решился. «Вас нельзя было отличить друг от друга, – сказал ему Рама. – Я мог убить тебя своею стрелою и лишиться союзника и друга».

Рама велел Сугриве снова вызвать Валина на поединок, но попросил Сугриву надеть на себя что-нибудь, что отличало бы его от брата. Тогда Сугрива надел на шею цветочную гирлянду, и все трое опять пошли к воротам Кишкиндхи. По дороге из лесу Сугрива обратился к Рама с просьбой: «Я боюсь, великий сын Дашаратхи, снова вступать в битву с Валином. Брат мой превосходит меня силой и опять побьет меня пребольно. Все тело мое ломит от его могучих ударов. Я прошу тебя, Рама, на этот раз ты помоги мне одолеть его в поединке. Без твоей помощи я не справлюсь с Валином, и я боюсь, что ты снова останешься безучастным». Но Рама успокоил своего друга и уверил Сугриву, что Валин будет сурово наказан.

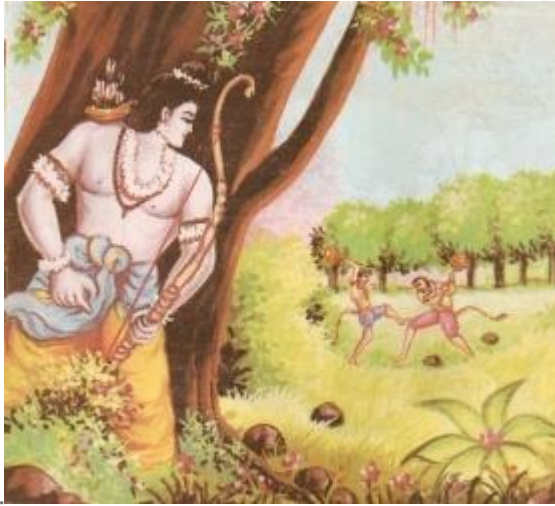
Царь Кишкиндхи забавлялся игрой в женских покоях, когда снова раздался у ворот столицы боевой клич Сугривы, призывающий государя на битву. Валин поднялся с ложа, гнев охватил его душу, и глаза от ярости налились кровью. Шерсть на теле его встала дыбом, пасть оскалилась в грозной улыбке, и острые клыки кровожадно обнажились. Тара, любимая супруга Валина, побежала за ним следом, обняла его крепко и, томимая тяжелым предчувствием, с тревогой в сердце сказала государю: «Успокой свою ярость, великий! Она стремительна, как воды горного потока, и быстро проходит. Ты отбрось свой гнев, как ночной венок, который снимают, подымаясь с ложа. Отложи, повелитель, поединок до завтра. Сегодня я тревожусь за твою жизнь. Твоя гордость воина и честь полководца не могут пострадать нисколько – ведь ты побил его в поединке сегодня. Сегодня я боюсь несчастья. И вот что меня тревожит: совсем недавно была между вами схватка, ты победил Сугриву и сильно ранил, но он снова вернулся и требует продолжения поединка. Значит, он не один вернулся, значит, он надеется на чью-то помощь, раз, будучи битым, решился снова с тобою драться. Я слышала, что Сугрива заключил союз и дружбу с сыновьями Дашаратхи, с могучим Рамой и его верным братом, а они не знают поражений в битвах. Я хорошо знаю Сугриву: он сначала узнал, сколь сильны сыновья Дашаратхи, а потом уже вступил с ними в союз и дружбу. Великий Рама по силе и воинскому искусству не знает себе равных, и все слабые и обиженные в этом мире находят у него помощь и поддержку. Ты не должен вступать в борьбу с сыновьями Дашаратхи, с ними надо искать союза и дружбы. Смирись, подави в душе своей вражду к Сугриве. Он – твой младший брат, он был тебе всегда предан и служил тебе верно. Поверь, любимый супруг мой, что я тебе только добра желаю, и последуй моему совету».

Но Валин не последовал совету Тары, он весь был во власти гнева. Он не прислушался к мудрому слову и пошел навстречу своей смерти. Он отстранил от себя рыдающую супругу и сказал ей: «Какой бы я был воин, если бы я уклонялся от вызова на поединок? Что сказали бы обо мне обитатели Кишкиндхи? Кто стал бы уважать трусливого государя? Для настоящего воина лучше смерть, чем позорное бегство с поля битвы. Но я даю тебе, Тара, слово. Убивать я Сугриву не буду. Я лишь поколочу его крепко, усмирю его гордыню, но жизни его лишать не стану. А ты, милая супруга, сейчас не удерживай меня и не мешай мне, если ты истинно меня любишь, и ступай к другим женщинам моего дома. Я уйду ненадолго и вернусь обратно очень скоро».

Обливаясь горькими слезами, Тара крепко обняла своего супруга, благословила его на битву с Сугривой и, охваченная горем, ушла на женскую половину.

Валин быстро выбежал за ворота Кишкиндхи и встал, сжимая могучие кулаки, напротив яростного Сугривы. И Валин сказал младшему брату: «Один лишь раз я тебя ударю, и ты расстанешься, подлый изменник, с жизнью».

Братья стали наступать друг на друга и наносить друг другу жестокие удары. Они сражались кулаками, ногами и зубами. Шерсть клочьями летела в стороны, и кровь заливала землю. Однако вскоре государь Кишкиндхи стал одолевать Сугриву. Рама заметил из своего лесного убежища, как слабеют силы у его союзника и друга. Тогда он взял в руки лук, достал из колчана острые стрелы и одну положил на

тетиву.

Затем Рама прицелился хорошенько в царя Кишкиндхи и выстрелил меткой стрелою. Молнией блеснула золоченая стрела сына Дашаратхи и впилась прямо в грудь несправедливого Валина. Государь Кишкиндхи зашатался, стал хвататься руками за воздух, рассудок его помутился от великой боли, и, как дерево, подрубленное дровосеком, Валин рухнул на землю.

Тогда Рама и Лакшмана вышли из засады и вместе с Сугривой подошли к умирающему царю Кишкиндхи. Могучий владыка обезьяньего царства обратился перед смертью к Раме с такою речью: «Люди говорят про тебя, сын Дашаратхи, что ты правдив, благороден и честен, что ты – прибежище и защита для всех, кто слаб и обижен. Теперь я знаю, что люди говорили неправду. Ведь я ничем тебя не обидел, не причинял зла твоим друзьям и близким. Я – всего лишь бедная обезьяна, которая живет в лесах и питается кореньями и плодами. Открыто я вышел на бой с Сугривой, и не я первый эту битву начал. Сам Сугрива дважды послал мне вызов. Я думал, что у нас будет честный поединок. И хотя я знал, что ты, Рама, находишься рядом, я полагался на твое благородство. Видно, права была Тара. Теперь я знаю, что старший сын Дашаратхи коварен, хитер и нечестен. Ты стрелял в меня, укрывшись в засаде, когда я сошелся в честном поединке с Сугривой».

Так сказал Валин великому союзнику Сугривы и замолк, не добавив больше ни слова.

Тогда Рама ответил умирающему Валину: «Все земли, леса, горы и реки и все люди, живущие на этих землях, все лесные звери и птицы, все, что простирается отсюда на юг и север, на восток и на запад, – все это владения моего царственного рода, и правит этим обширным государством мой брат, благородный и справедливый Бхарата. Он сам наказывает сурово и велит наказывать нам, своим братьям, всякого, кто покусится на сестру, на жену отца или брата. Ты же отнял у Сугривы супругу и наслаждаешься с чужой женой грешной любовью. Потому ты, Валин, наказан мною. Так велит поступать закон, таков долг благочестивого кшатрия. Но ты забыл еще, Валин, что ты просто зверь, а я охотник. Закон позволяет бить зверя из засады. Это вечный закон охоты. Ты не должен роптать на законы – их нам устанавливают всемогущие боги. Поэтому я твоих упреков не приемлю, и несправедливы были твои речи, отважный витязь».

Умирающий Валин не стал перечить сыну Дашаратхи, он только сказал великому Раме: «Есть у меня любимая супруга, есть у меня любимый сын Ангада. Я прошу тебя, сын Дашаратхи, позаботься о них после моей смерти». И Рама обещал ему их не оставить.

Вскоре Тара узнала о гибели своего супруга. Слуги рассказали ей, что царь Кишкиндхи убит великим Рамой, и она, охваченная горем, как безумная выбежала из Кишкиндхи. Там она увидела сыновей Дашаратхи, стоявших с луком и стрелами у тела Валина, и в страхе убежала обратно. Потом она снова выглянула за ворота и увидела с болью в сердце, как разбегаются во все стороны перепуганные обезьяны, – они потеряли своего могучего вождя и теперь боялись потерять свою жизнь. И тогда благородная Тара, скорбящая о погибшем муже, сказала напуганным Рамой обезьянам: «О верные подданные моего супруга, почему вы бежите в страхе, покинув своего умирающего государя? Вы все дрожите от испуга, ваши души потрясены несчастьем, но разве вам не стыдно бросать своего господина, за которого вы должны сражаться?»

Но упреки Тары не остановили бегущих. Они так были напуганы сыном Дашаратхи, что только сказали своей царице: «Беги и ты с нами и спасай от гибели своего сына. Сама Смерть в облике Рамы пришла сюда за нами. Если мы останемся в столице, то все погибнем, и дети наши погибнут вместе с нами». Но печальная Тара ни на шаг не сдвинулась с места и горестно вздохнула; она сказала бегущим в испуге обезьянам: «Валина, государя нашего, нет с нами, и не знаю я, что мне делать? Кто будет править в Кишкиндхе, кто будет охранять

меня и Ангаду? И что теперь будет с нами? Я не покину Кишкиндху, а пойду, преклонюсь головою к стопам доблестного Валина». И молодая вдова зарыдала, стала царапать свое лицо ногтями и направилась к мертвому телу своего супруга. Около Валина в глубоком молчании стояли сыновья Дашаратхи, и с ними стоял брат умирающего государя – Сутрива. Скорбно прошла мимо них плачущая Тара, и рассудок ее помутился от горя, и упала она на землю, когда увидела убитого супруга.

Вскоре Тара очнулась и, поднявшись с земли, громко и горестно закричала. Она крепко обнимала погибшего в бою Валина и стенала в печали: «О могучий воин, ты навел на врагов ужас в битвах, но зачем ты не послушал меня сегодня? Встань с сырой земли, могучий Валин, у тебя в Кишкиндхе есть лучшее ложе! Не подобает великому государю почивать на сырой земле. Я вижу, что ты меня не любишь уже больше, холодная земля стала тебе дороже. Ты ее согреваешь своим телом, а меня ты навсегда отвергнул. О горе! Ты убит, наш мудрый владыка, а я навсегда лишилась радости и надежды. На части разрывается мое сердце от скорби, когда гляжу я на тебя, повергнутого врагами. Не надо было тебе отнимать у Сутривы супругу! Видно, боги нам этого не простили. На вдовство ты обрек меня, неистовый в гневе, и станет беззащитным сиротой наш сын Ангада. Я всегда жила в роскоши и неге, а теперь позорная нищета выпадет на нашу долю. Младший брат твой Сутрива стал совсем бессердечным от злобы, мне и Ангаде будет плохо, когда он станет государем Кишкиндхи. О милый сын мой Ангада, взгляни на отца своего, могучего государя! Ведь ты никогда не увидишь его больше. О Сутрива, ты дождался наконец своей победы и вернул себе Руму, твою любимую супругу. Можешь теперь радоваться, Сутрива! С помощью великого Рамы ты погубил своего родного брата и сам теперь будешь править Кишкиндхой».

Всех обитателей Кишкиндхи тронули рыдания Тары, и они вместе с ней горестно причитали: «О могучий Валин! О доблестный воин! Ты уходишь в далекую страну, а нас не берешь с собою. Ты оставил свою супругу Тару, ты покинул сына Ангаду, и вся Кишкиндха стала сиротою. Мы склоняемся перед тобой с мольбою, прости нам, государь, грехи наши!»

Тогда Хануман, благородный и мудрый, обратился к рыдающей Таре с речью: «Перестань причитать и плакать, царица. Твой супруг немало совершил прегрешений. Он отобрал прекрасную Руму у брата, прогнал преданного Сутриву из Кишкиндхи, оставил его без семьи и богатства. Долгие годы Валин преследовал Сутриву и угрожал ему неустанно смертью. Теперь твой супруг наказан за это. И наказали его справедливо. Тебе нужно о себе подумать и о сыне своем Ангаде. Валина мы с почестями похороним, а твой юный сын станет наследником престола. Это будет справедливо и тебя, наверное, утешит».

Тара лежала на земле рядом с Валином, как звезда, низринутая с неба. Она так ответила мудрому и справедливому Хануману: «Сын мой мал, чтобы править царством, а мне, женщине, это не подобает. Престол надо передать дяде Ангады, Сутриве, брату убитого государя. И не о том вовсе моя печаль, я скорблю по убитому супругу. Нет у меня теперь радости в жизни, мне остались только молитвы».

Еще раз открыл Валин глаза перед смертью, посмотрел вокруг последним взглядом и сказал младшему брату: «Я часто бывал неразумным и совершал греховные поступки. Ты прости меня, Сутрива, я причинил тебе немало бед. Прими после меня мое царство, правь им мудро и справедливо и не забудь сына моего Ангаду. Пусть он найдет в тебе родного отца, и пусть он вырастет мужем разумным и храбрым. Не забудь, Сутрива, и прекрасную Тару, любящую мать и верную супругу. А ты, Ангада, во всем слушай Сутриву, почитай его, как родного отца. Теперь он тебе отец, а ты ему сын».

Сутрива был бледен и печален, слушая последние слова государя Кишкиндхи. Вскоре Валин вздохнул последний раз и замер. Потускневшие глаза его закатились, отвисла могучая челюсть, и государь Кишкиндхи скончался.

Сутрива вновь воцаряется в Кишкиндхе

Прощальные ласковые речи Валина и безграничное горе Тары потрясли душу Сутривы. Он подошел к старшему сыну Дашаратхи и сказал ему печально: «О великий Рама, ты выполнил свое обещание, но я лишился всех радостей в жизни. Царица Тара убивается от горя, доблестный и могучий Валин оставил сына сиротою, и ни к чему мне царство; какая мне теперь от него радость? Прежде я желал смерти Валина. И вот мечта моя стала явью, а сердце мое разрывается от печали. Лучше мне уйти и жить на горе Ришьямука, не нужно мне власти и богатства, добытых такой дорогой ценой. Брат сказал мне перед своей кончиной: «Я не искал твоей смерти, Сутрива». И Валин говорил правду. Всякий раз, когда мы вступали в схватку, он наносил мне жестокие удары, но всегда сохранял мне жизнь. А я дал волю страсти, злобе и чувству мести. И вот теперь великий грех лежит на мне, и нет оправдания моему поступку, не найти мне утешения в этом мире. Ангада

еще малый ребенок, ему не отец, а мать сейчас нужнее. А я взойду на костер вместе с братом, и на небе возродятся наша дружба и братство». Так говорил благородный Сугрива Раме, и сын Дашаратхи удивлялся доброте младшего брата Валина.

А потом и Тара подошла к Раме и попросила убить ее той же стрелой, от которой погиб ее супруг, могучий Валин: «Я не смогу жить на земле без мужа, и Валину без меня на небесах будет одиноко, а других женщин он не захочет. Горе разлуки со мною будет там терзать и мучить его душу».

«Если ты убьешь, меня, великий Рама, – говорила прекрасная Тара сыну Дашаратхи, – греха на твоей душе не будет. Ты сделаешь доброе дело, ты соединишь на небесах жену с мужем, и боги тебя за это не осудят».

Раму растрогали речи Тары, но он ей ответил сурово: «Все совершается на земле по воле богов – и рождение, и расцвет, и кончина. Мы, смертные люди, над своею жизнью не властны. А ты, Тара, молода и красива, и жизнь твоя Ангаде нужнее. Валин умер, и теперь ему не нужны твои слезы. Тебе надлежит думать о погребальном обряде. Государя Кишкиндхи надо проводить в последний путь с почетом. И не следует тебе с этим медлить. Необратимое время – первопричина всего в этом мире, оно – источник свершения действий. Движению времени даже вечность противостоять не может. Оно конца не имеет, и никто не в силах остановить его течение. Оно не владеет державой, нет у него друзей, могучих и верных, нету племени, нету рода, а никто не может с ним совладать. Время даже себе не подвластно. Только мудрый может постигнуть сокровенный смысл его течения. Но на земле все в его державной воле – и любовь, и труд, и богатство.

Повелитель Кишкиндхи – Валин получил то, чего добивался Он пожинает плоды своих деяний. И когда тело его будет предано огню, душа его вступит в небесные пределы. Он был прежде благочестивым и мудрым государем и, несомненно, заслуживает неба. Я говорю тебе, Тара, еще раз, совершайте погребальный обряд». Но Тара не могла остановить рыданий. Тогда Лакшмана сказал Сугриве: «Не медли, государь, с погребением Валина. Ты сам, царица Тара и сын Валина – Ангада должны обо всем распорядиться. Но сначала пусть успокоится Ангада, он совсем потерял голову от горя. Прикажи, Сугрива, сложить погребальный костер, и пусть слуги положат в него куски благовонного сандала. Поручи Ангаде приготовить цветы, гирлянды, благовонные масла и драгоценные ткани. Пусть Тара пошлет слуг за носилками для Валина. Отберите могучих и крепких обезьян, оденьте их в белые одежды, они будут нести погребальные носилки. Приготовьте деньги для раздачи народу. Ты, Сугрива, сейчас государь в Кишкиндхе и сам должен обо всем подумать».

Носилки для погребения Валина были подобны небесному трону, украшенному изображениями птиц и деревьев. Они были убраны дорогими тканями и цветами, и решетчатые окошки на носилках блистали серебром и золотом. Сугрива и Ангада положили на них мертвое тело Валина, и могучие обезьяны в белых одеждах понесли умершего государя к погребальному костру.

Как великого и знатного владыку, хоронили царя Кишкиндхи. Тара сидела с ним на носилках, и голова его покоилась у нее на коленях. Впереди бежали слуги и бросали деньги жителям Кишкиндхи, а позади шли несметной толпой обезьяны. Тара громко и горестно рыдала, с нею вместе плакали все жители столицы; сотрясались от рыданий плечи воинов, несших носилки.

«О повелитель обезьян, – причитала Тара, – о мой господин, о милый, взгляни на меня. Ты лежишь как живой, и на лице твоём улыбка. Сама Смерть в облике Рамы пришла в Кишкиндху, и от удара одной стрелы мы все осиротели. О царь, вокруг тебя твои друзья, твои советники, твои вдовы, и все они рыдают. О сокрушитель врагов, о любимый, отошли всех обратно в город, а мы останемся здесь в лесу с тобою и будем любить друг друга». Так горестно причитала Тара, и все жены обезьянних вождей вторили ей.

У высокой поленицы носилки с телом Валина остановились, и сошла с них на землю скорбная царица Тара. Вскоре слуги разожгли погребальный костер, на него поставили носилки с телом Валина, и владыка Кишкиндхи, казненный Рамой, отправился в благое путешествие на небо.

Жители Кишкиндхи в последний раз простились с Валином, омыли свои тела в речных водах и с печалью воротились в свои жилища.

После совершения обряда Хануман низко поклонился сыну Дашаратхи и обратился к нему с почтительной речью: «Войди, великий Рама, в гостеприимную Кишкиндху и возведи на престол своего союзника и друга Сугриву». Просьба Ханумана и Сугривы была приятна непобедимому Раме, но он отказался. Пока длились четырнадцать лет его изгнания, Рама не мог вступить ни в одно селение, ни в один город. Только в лесу он мог остановиться. И потому Рама ответил Хануману: «Вы сами посадите на престол Сугриву и вручите ему

державную власть и богатство. Доблестный Сутрива пусть правит могучей Кишкиндхой, а наследником престола провозгласите Ангаду. Этого хотел сам Валин, и так будет справедливо. Скоро наступит дождливое время, четыре месяца оно продлится – для поисков Ситы не годится это время года. Вы ступайте себе в Кишкиндху, займитесь делами государства, а я и Лакшмана будем жить пока в горной пещере. Здесь кругом воздух свежий и чистый, есть вода, плоды и корни, и жить нам здесь будет приятно».

Рама и Лакшмана простились с Сутривой и Хануманом и ушли в горную пещеру, а обезьяны направились в Кишкиндху.

Торжественно вступил Сутрива в свою столицу, полновластным властелином вошел в дворцовые покои и сел на престол государя Кишкиндхи. В руке он держал золотой жезл, над головой его был золотой зонт – царское отличие, а перед ним лежали дорогие подарки. Жители Кишкиндхи пришли поздравить нового государя и принесли ему лекарственные травы, воду в золотых кувшинах, плоды, корни, зерно и масло, цветы, дорогие ткани и тигровые шкуры. Шестнадцать молодых и красивых дев поднесли довольному Сутриве подарки, брахманы прочли священные молитвы, и Сутрива был признан всеми законным государем. Советники Сутривы объявили Ангаду наследником престола, и начались в Кишкиндхе великое ликование и радость. Рума с любовью и восторгом вернулась к прежнему супругу, и снова стал радоваться жизни благородный Сутрива. Хануман послал гонцов к великому Раме, и они доложили обо всем происшедшем доблестным сыновьям Дашаратхи.

Долгих четыре месяца надо было ждать Раме и Лакшмане, когда закончится дождливое время и наступит желанная осень. Осенью сыновья Дашаратхи решили продолжать поиски прекрасной Ситы. Рама и Лакшмана выбрали себе сухую и светлую пещеру и поселились в ней. Густой лес расстился вокруг. Леса и зеленые поляны тянулись чередой, и в лесах обитали львы, слоны и тигры. Кругом было много птиц и зверя, в водоемах водилась вкусная рыба, а в лесных плодах и корнях не было недостатка. Здесь решили братья дожидаться осени.

Сутрива забывает о своем обещании

Когда Сутрива стал государем Кишкиндхи, он не стал заниматься царскими делами, а передал управление царством своим советникам. Они вершили суд и собирали налоги, охраняли границы Кишкиндхи от набегов, понуждали подданных соблюдать законы. А Сутрива предавался забавам и утехам со своей женой Румой и Тарой, которая давно была ему желанной. Тара тоже стала супругой Сутривы, и он со своими женами не расставался. Все дни и ночи проводил он с ними, предаваясь любви и не ведая огорчений. В пирах и веселье проходило время государя Кишкиндхи, и он не замечал его течения.

Однажды Хануман напомнил Сутриве, что пора дождей подходит к концу и надо будет исполнять обещание, которое государь дал сыновьям Дашаратхи. «Пора, нам, государь, – говорил Хануман Сутриве, – подумать о том, как помочь Раме в поисках Ситы. Дело это будет не простое, борьба с Раваной будет опасной. Но сначала нам надо найти его. А чтобы найти и одолеть похитителя Ситы, нужно огромное войско». И Сутрива повелел созвать в Кишкиндху всех обезьян, живущих в этом мире, обучить их воинскому искусству и послать на поиски Ситы. Так сказал государь Хануману, удалился в свои покои и с женами опять не расставался.

Вскоре кончилось дождливое время, и нестерпимо стало Раме ожидание. Тоска по Сите становилась все сильнее, и однажды Рама сказал младшему брату: «Ты видишь, Лакшмана, отступает дождливое время. Земля уже насытилась влагой и принесла богатый урожай. Гром уже не грохочет так громко – тучи плывут к горным вершинам с тихим рокотом и, приблизившись к ним, затихают. Они уже отдали земле всю влагу, посветлели и стали спокойнее, как слоны после весенней течи».

О сын Сумитры, затихли уже грозные бури и ливни, не слышно грома, успокоились птицы и звери. Вершины холмов, омытые дождями и залитые лунным светом, так прекрасны в эти светлые ночи! Воистину, наступает желанная осень и всему придает очарование: и зеленеющему лесу, и ласковому дневному солнцу, и лунному свету, и небесным звездам. Лотосы раскрываются с зарей, томно и приятно жужжат трудолюбивые пчелы, цветы наполняют воздух сладостным ароматом. Яростные слоны затихли, а лебеди слетелись к берегам рек отовсюду и, попавшись в сети великого Камы, весело играют. Гордые павлины гуляют, глядя в небо, как подвижники, созерцающие бога, отвергшие любовь и женщин. Золотые деревья с отяжелевшими от плодов ветвями согнулись и смотрят в землю. Успокоились речные потоки, просветлело небо, и веет тихий ветер, насыщенный ароматом лилий. Как красавицы в светлых одеждах, приходят ночи с серебряной луной, с яркими звездами, усеявшими все небо. И чистые воды Пампы с белоснежными лилиями, спящими на водной глади, подобны безоблачному ночному небу, украшенному звездами и луною. Легкий ветер колышет яркие

цветы у берегов тихих речек, земля разрешилась от бремени богатым урожаем, и величавым спокойствием дышит вся природа. Это значит, о Лакшмана, что к нам пришла желанная осень, а дожди она надолго прогоняет.

О доблестный сын Сумитры, это время удобно для враждующих государей, которые ищут войны друг с другом. Осень – лучшее время для боевых походов, но не вижу я, чтобы Сугрива помнил о своем обещании. О сын Сумитры, я весь во власти тоски и горя, и эти четыре месяца дождей и грома показались мне столетием. Сугрива забыл обо мне, разлученном с дорогой супругой, лишенном царства, убитом горем. Не сочувствует он моему несчастью; ему, счастливому, оно сейчас непонятно. Уж не думает ли он, что я уже для него не опасен, что оградят его от меня крепкие стены Кишкиндхи, что я без престола и власти для него недостойный противник? Уж не думает ли Сугрива, что Рама, оскорбленный похитителем Ситы, погруженный в мечты о любимой супруге, уже не в силах стрелять из лука? Видно, Сугрива забыл, кому он обязан своим счастьем!

Настало время приступить к розыску Ситы. Ступай, Лакшмана, в Кишкиндху и передай этому неразумному обезьянному государю: «Тот, кто нарушает слово, данное могучему покровителю и другу, не заслуживает снисхождения. Тот же, кто держит свое слово, доброе оно или дурное, славится людьми повсюду. Тот, кто принимает от друзей помощь, любовь и ласку, а сам к несчастью друзей равнодушен, считается неблагодарным, и нет ему прощения в этом мире». И еще спроси, Лакшмана, у Сугривы, уж не хочет ли он увидеть на поле боя, как летят стрелы из моего золотого лука; уж не хочет ли он послушать, как в разгаре боя гудит, как гром небесный, тетива моего лука. Передай Сугриве, что, если он не выполнит свое обещание, с ним случится то же, что случилось с его братом Валином. Пусть государь Кишкиндхи вспомнит, что союз и дружба нужны нам обоим. Четыре месяца провел Сугрива в наслаждениях и забавах, а я томился в тоске и горе. И еще скажи нечестивому Сугриве, что, если он не приступит к поискам Ситы, Рама все его царство уничтожит и ни одной обезьяны на земле живой не оставит».

Лакшмана загорелся гневом, слушая речь старшего брата. Он очень любил великого Раму, вместе с ним тосковал о пропавшей Сите, делил с Рамой все радости и несчастья, и равнодушие Сугривы к их бедам приводило его в ярость.

«Сугриву надо убить и отправить на небо к Валину, – сказал Лакшмана горестному Раме. – Не следовало давать ему престол в Кишкиндхе». Но Рама успокоил разгневанного брата: «Ты ступай к Сугриве без ярости и злобы и напomini ему о его обещаниях».

И Лакшмана пошел в Кишкиндху. С грозным луком в руках, с глазами, покрасневшими от гнева, сын Сумитры шел через лес, как разъяренный слон, ломая деревья и дробя на куски камни, попадавшие ему под ноги. Но когда Лакшмана подошел к Кишкиндхе, то понял, что пройти в нее будет не просто. Кругом ходили обезьяны с могучими лапами и острыми клыками. Они испугались, когда увидели Лакшману, идущего к Кишкиндхе, с грозным луком и красными от гнева глазами. Дозорные схватили в руки большие каменные глыбы, вырвали с корнем из земли деревья и приготовились к битве. Но Лакшмана увидел у ворот Ангаду и сказал ему строго: «Пойди и скажи Сугриве, что Лакшмана, сын Сумитры, удрученный несчастьем своего брата, пришел к государю Кишкиндхи и ожидает его у ворот столицы. Пусть Сугрива вспомнит о том, что он обещал великому Раме».

Ангада почтительно поклонился Лакшмане и пошел в Кишкиндху. Он прошел через городские ворота, вступил в дворцовые покои и нашел Сугриву в объятиях Румы. Опыренный вином и любовью, Сугрива сладко спал на богатом ложе. Спящий, он не понял того, что сказал ему сын Тары, и долго еще не мог проснуться. И только когда завывли от страха перед сыном Сумитры могучие дозорные обезьяны, лишь тогда проснулся Сугрива, и его охватило беспокойство. Он спросил своих советников в тревоге, почему так страшно кричат дозорные, и друзья Сугривы все разъяснили ему. Советники дали разумный совет хмельному царю Кишкиндхи: «Пойди, государь, к воротам, почтительно поклонись брату Рамы и проводи его в свои покои. Успокой гнев Лакшманы и досаду и скажи, что Сугрива своих друзей не забывает, что он свои обещания исполняет, что Рама напрасно на него в обиде».

Тогда Сугрива ответил своим советникам: «Я не сделал сыновьям Дашаратхи ничего дурного, ни Лакшмане, ни Раме. И потому у меня нет страха перед ними. Мои враги не видят моих достоинств, они видят только мои пороки. Наверное, они Лакшмане сказали, что я совсем беззащитен. Однако опасны друзья, гневающиеся без причины. С ними нужно быть осторожным».

Хануман, первый царский советник, склонился перед Сугривой и почтительно сказал ему: «О владыка Кишкиндхи, все мы многим обязаны сыну Дашаратхи. Твой верный союзник, благородный Рама помог тебе,

государь, вернуть власть и богатство. Он избавил тебя от угрозы смерти, вернул тебе прекрасную Руму. Уже четыре месяца ты – господин Кишкиндхи, ты живешь в роскоши и богатстве, и с тобою твои любимые жены. А великий Рама живет в холодной пещере, и нет у него ни власти, ни богатства. Злобный Равана похитил у него Ситу, и горе истерзало его душу. Нас всех в Кишкиндхе истомило дождливое время, а несчастному Раме оно показалось вечностью. Давно уже дожидается сын Дашаратхи, что ты, Сутрива, вспомнишь о нем и его несчастье. Он надеется, что ты помнишь свои обещания и твердо держишь свое царское слово. Великий Рама верит, что ты поможешь разыскать его супругу, а ты об этом даже не вспомнил. Давно уже кончилось дождливое время, уже наступила благодатная осень, а ты еще ничего не сделал для своего союзника и друга. Поэтому и пришел сюда Лакшмана в гнев и требует от тебя ответа. Рама и Лакшмана гневаются справедливо, и нам надо свою вину исправить.

Ты выйди, великий царь, к Лакшмане с ласковым приветом, проводи его в свои покои с почетом и будь с ним кротким и терпеливым. Пусть Лакшмана выскажет тебе свои упреки, а ты прими их, государь, без гнева. Упреки сыновей Дашаратхи не должны тебя обидеть. Кротостью и лаской ты успокой младшего брата Рамы и обещай ему сделать все, как должно. Ты скажи ему, Сутрива, что мы немедленно приступим к розыску прекрасной царевны Митхилы».

Мудрая речь благородного Ханумана понравилась Сутриве, и он во всем согласился со своим другом.

Сутрива велел своим дозорным обезьянам поклониться Лакшмане с должным почтением и немедленно пропустить его в Кишкиндху. Крепкие ворота, ведущие в столицу Сутривы, широко распахнулись перед доблестным братом Рамы, и Лакшмана вошел в прекрасный пещерный город. Земными поклонами встречали Лакшману напуганные обезьяны, а он гордо шел по Кишкиндхе, сжимая в руках меч и стрелы.

Вскоре Лакшмана остановился перед огромной и светлой пещерой – то были чертоги государя Кишкиндхи. Все в этой пещере было прекрасно: и колонны, и драгоценности, и утварь. Цветущие сады украшали пещеру, и на стенах ее сверкали драгоценные камни. Редкие цветы насыщали воздух нежным ароматом, а чистые водоемы давали обитателям пещеры спасительную прохладу. И роскошное жилище царя Кишкиндхи было подобно чертогам Индры, повелителя молний. Приближенные Сутривы, знатные обезьяны, потомки гандхарвов и великих богов, в прекрасных одеждах и с гирляндами на шее наполняли пещеру. Семь покоев прошел сын Сумитры и остановился наконец перед опочивальней Сутривы. Двери в нее были открыты; и взору Лакшманы представились золотые и серебряные лежа повелителя Кишкиндхи. Звуки музыки и чарующего пения доносились из опочивальни, и юный Лакшмана не решился войти в нее сразу. Он увидел в опочивальне Сутривы красавицу, гордую молодостью и красотой, и была она из знатного рода. Драгоценные камни и золотые ожерелья, серебряные серьги и браслеты украшали ее, а на голове у нее был венок из прекрасных цветов, источающих благоухание. Лакшмана увидел красавицу и смутился. Он все еще гневался на Сутриву, но ему стало стыдно, что прошел он без спросу на женскую половину царского дома.

Перед смутившимся братом Рамы стояла прекрасная царица Тара. Это Сутрива послал ее Лакшмане навстречу, когда, услышав грозный звон его тетивы, почувствовал великий страх перед могучим сыном Дашаратхи. Государь Кишкиндхи знал свою вину перед Рамой и страшился его гнева. Он помнил, как стрела Рамы покарала несправедливого Валина, и не хотел расставаться с жизнью. Хитрый Сутрива попросил Тару выйти Лакшмане навстречу и умиловать его своей обходительностью и красотой. Сутрива сказал ей: «О прекрасная, выйди к младшему брату Рамы и успокой его искренними речами. Когда увидит тебя юный воин, то гнев скоро его оставит. Лакшмана добр и благороден, он никогда не скажет тебе, красавица, грубого слова».

Воистину, Лакшмана обуздал свой гнев, когда увидел Тару, и встал перед ней, опустив голову на грудь, как подвижник. А прекрасная и хмельная Тара смело спросила у сына Сумитры: «О сын великого Дашаратхи, кто посмел тебя разгневать? Кто ослушался твоих повелений? Кто может пройти равнодушно мимо огня в лесу, полном сухих деревьев?» Лакшмана ей ответил приветливо и дружелюбно: «Ты хочешь блага своему супругу, прекрасная Тара, и не хочешь видеть, как он погружается в пороки. Сутрива так отдался любовным забавам, что благочестие и благородство скоро его покинут. О Тара, сыновья Дашаратхи живут в тоске и печали, а государь Кишкиндхи живет в роскоши и неге и совсем забыл о своем долге. Он не хочет помнить, что обещал помочь моему великому брату разыскать Ситу. Он забыл о том, что Рама – его благодетель и что Сутрива обязан моему брату дружбой. Давно уже прошло время дождей, давно наступила осень, а твой супруг не вспоминает о своем долге».

Тара ласково ответила сыну Сумитры: «Нехорошо тебе, Лакшмана, испытывать злобу к своему верному другу. Только добра желает вам Сутрива, и ты должен простить ему оплошность. Вам, сыновьям Дашаратхи,

истинным подвижникам и праведным людям, должно проявить милосердие к Сутриве и не взыскивать с него строго. Ты, Лакшмана, сказал истинную правду, уже давно наступила осень, уже пора идти на поиски Ситы, и Рама гневается справедливо. Воистину, наш государь, благородный Сутрива, свой долг союзника и друга не исполнил. Но ты, сын Сумитры, должен простить своего друга. О великий воин, тебе, наверное, известна непреодолимая сила Камы, бога любви. Это из-за него, из-за Камы, сердце и мысли Сутривы далеки были от деяний. Ведь даже человек, охваченный любовью, забывает обо всем на свете. А Сутрива – всего лишь обезьяна. Будь к нему, Лакшмана, милосерден. Буйная страсть завладела повелителем обезьян Сутривой, и он, утратив стыд, забыл о своем долге.

Да и мог ли он не поддаться великой силе могучего Камы? Ведь даже великие подвижники иногда не в силах устоять перед властью страстей. А наш государь, царь Кишкиндхи, воин простой и веселый, и он безмерно счастлив, вернув себе царство и богатство. Но любовь не совсем овладела Сутривой, наш благородный государь думал о вашем благе и готовился к поискам Ситы. Уже все обезьяны мира знают, что им нужно идти на помощь сыновьям Дашаратхи. Десятки тысяч обезьян, могучих и быстрых, собрались в Кишкиндху по повелению Сутривы. О грозный Лакшмана, будь милостив к нашему государю и войди к нему без обиды и гнева».

Лакшмана вошел в опочивальню и увидел там Сутриву, сидевшего на роскошном ложе в окружении красавиц. Пышные царские одежды облекали государя Кишкиндхи, и драгоценные камни, как солнце, сверкали в его короне.

Тяжело дыша, с вздымающейся грудью, вступил разгневанный Лакшмана в опочивальню Сутривы и остановился, сжимая в руках лук и стрелы. И страшно стало государю Кишкиндхи. Он вскочил с золотого трона и, окруженный красавицами, поспешил навстречу посланцу могучего Рамы.

Тогда Лакшмана сказал Сутриве: «Ты лжив и бесчестен, царь Кишкиндхи. Ты не помнишь добра, Сутрива, и не знаешь, что такое благодарность. Ты весь во власти греха и порока, ты даже царством своим не правишь, и нет у тебя сочувствия к чужим бедам. Напрасно великий брат мой помогал тебе сражаться с Валином, напрасно он взял тебя под свою защиту, ты не достоин дружбы сыновей Дашаратхи. Ты словно змея, которая квакает, как лягушка, чтобы заманить к себе в пасть глупых лягушек, и не знает об этом могучий Рама. Тебе, Сутрива, следует помнить, как меткие стрелы Рамы отправили твоего брата на небо. Тебе придется немедля свой долг исполнить и не нарушать больше своей клятвы, не то ты не останешься государем Кишкиндхи надолго и немедленно встретишься со своим братом Валином».

Царь Кишкиндхи был так напуган гневной речью сына Сумитры, что не мог вымолвить ни слова. И тогда луноликая Тара обратилась к Лакшмане с такими словами: «Ты не должен, доблестный брат Рамы, говорить с Сутривой так сурово. Государь Кишкиндхи – великий повелитель, и он не может слушать такие оскорбительные речи. Не настолько грешен владыка обезьян Сутрива, чтобы ты его так порочил. Наш государь правдив, простодушен и всегда платит добром за добро. И не забыл он, как великий Рама помог ему овладеть Кишкиндхой. И Сутрива, и все его жены, и все советники государя – все мы знаем, что счастьем, радостью и богатством мы обязаны могучему сыну Дашаратхи.

Ты не думай, Лакшмана, что Сутрива уже забыл долгие годы изгнания, нищеты и страданий. Еще нет и полугода, как Сутрива стал государем Кишкиндхи, и счастье помрачило его рассудок. И не столь уж велик его проступок, прославленные подвижники совершали грехи потяжелее. Я расскажу тебе, Лакшмана, как случился грех с Вишвамित्रой.

Некогда Вишвамित्रа отказался от царства и ушел в горы, чтобы жить как подвижник. Сотни лет он подвергал себя суровому покаянию, чтобы добиться большей святости, чем Васиштха. Неколебимо тверд был в своих обетах Вишвамित्रа, но и его опутал своими сетями могучий Кама. Вишвамित्रа влюбился в небесную деву и даже не заметил, как десять лет в грехе пролетели.

Так разве можно так строго судить Сутриву? О Лакшмана, о доблестный сын Дашаратхи, пусть великий Рама простит своего друга, который долгие годы жил без любви и ласки. Не подобает вам, воителям благородным и знатным, гневаться па государя Кишкиндхи. Я клянусь тебе, Лакшмана, что ради вашего блага, ради блага Ситы, прекрасной царевны Митхилы, Сутрива откажется и от жен, и от богатства, и от власти.

Ракшасов у Раваны десятки и сотни тысяч, и надо их всех уничтожить, чтобы освободить Ситу из плена. И трудно будет великому Раме справиться с ними со всеми и одолеть Равану в битве, если не помогут ему

Сутрива и его бесчисленное обезьянье войско. Пока Рама будет сражаться с Раваной, храбрые рати Сутривы уничтожат всех ракшасов, хищных пожирателей мяса.

Ко всем племенам обезьяньим уже мчатся посланники Сутривы. Всех обезьян на свете они приведут в Кишкиндху, чтобы идти походом на поиски Ситы. Потому и не торопился царь Кишкиндхи, что ожидал, когда придут в столицу обезьяны. А сегодня они все уже собрались, и не окинуть взором несметное войско Сутривы. С ними вместе пришли и медведи лесные, и все они хотят помочь великому сыну Дашаратхи.

Вот почему, Лакшмана, ты не должен давать волю ярости и гневу и бранить строго ни в чем не повинного царя Кишкиндхи. В ярости лицо твоё страшно, сын Сумитры, и, как Смерть, пугает оно обитателей Кишкиндхи».

Лакшмана был доволен словами Тары, и гнев его утих понемногу. Сутрива заметил, что Лакшмана стал добрее, и отбросил страх, как отбрасывают промокшие от дождя одежды. Царь Кишкиндхи снял с себя пышные царские одежды, снял драгоценные украшения и золотые ожерелья и почувствовал себя бодрым и сильным, как прежде. И, радуя Лакшману, обладателя грозного оружия, мощью своих рук и силой духа, Сутрива, повелитель обезьян, сказал ему: «О сын Сумитры, милость и дружба Рамы помогли мне вернуть все, что я утратил, – и власть, и царство, и богатство, и жен моих любимых. Благо великому сыну Дашаратхи! Теперь я – владыка вечного царства обезьян – Кишкиндхи, и слава моя никогда отныне не померкнет. Все обезьяны мира придут на помощь благородному Раме, обладателю несравненной мощи, и мы скоро найдем прекрасную супругу сына Дашаратхи. Все мои подданные, все обезьяны на земле готовы выполнить любое повеление твоего великого брата, способного одной стрелой пробить семь могучих деревьев. О сын Сумитры, скажи мне, что надо сделать для прославленного сына Дашаратхи, который звоном тетивы своего лука сотрясает землю и горные вершины? Пусть прикажет Рама, мой друг и союзник, и я пойду для него па край света. Ради блага великого Рамы я брошу моих жен, брошу царство, расстанусь с роскошью моих чертогов и буду, как раб, служить сыну Дашаратхи».

Слова Сутривы, государя Кишкиндхи, успокоили гневного сына Сумитры, в душе его пробудилось чувство дружбы к Сутриве, и он сказал: «О брат мой, повелитель обезьян Сутрива. Горе Рамы испепелило мою душу, и я пришел наказать тебя за измену. Но я ошибся, и ты прости мне обидные речи. Я не гневаюсь на тебя больше. Такова, я вижу, твоя природа – и в любви, и в дружбе ты все забываешь. Но ты наделен самоотверженностью, мужеством и силой, и на тебя можно опереться в несчастье. Несомненно, ты достоин быть повелителем Кишкиндхи».

Встреча с гневным братом Рамы, грозным сыном Сумитры, которого так испугался вначале Сутрива, закончилась миром и согласием, и царь Кишкиндхи шепнул на ухо Хануману: «Немедля разошли гонцов в Гималаи и горы Виндхья. Пусть мчатся наши гонцы ко всем обезьянам и медведям на западе и на востоке. Пусть вожди со своими племенами поспешат в Кишкиндху. И чтобы сегодня все были в моей столице. А тех вождей, тех обезьян, которые посмеют ослушаться моего приказа, пусть тотчас покарают смертью».

Хануман, сын могучего Вайю, выслушал приказ своего государя и немедля отправил гонцов во все стороны света. И вскоре сотни тысяч обезьян, малых и великих, слабых и могучих, отовсюду поспешили в Кишкиндху. С ними вместе бежали грозные лесные и горные медведи, и земля затряслась под ногами подданных Сутривы, мчавшихся к Кишкиндху по зову своего государя.

И вскоре под стенами Кишкиндхи собралось несметное обезьянье войско, и с ними были друзья Сутривы – лесные и горные медведи. Сотни тысяч, миллионы подданных царя Кишкиндхи окружили его столицу, готовые идти по приказу своего государя на край света. И все они явились с великими дарами, принесли с собой плоды и коренья, чтобы подарить их своему владыке.

Вожди обезьян и медведей с почтением пошли навстречу Сутриве и сыну Сумитры; склонив головы, поднесли они великие дары своему господину со словами: «Ты повелел, великий царь, и мы здесь, в твоей столице. Приказывай, о великий Сутрива, мы все – твои покорные слуги».

И тогда Сутрива приказал подать ему золотую колесницу, приказал, чтобы запрягли в нее горячих и быстрых коней. А потом государь Кишкиндхи попрощался со всеми женами, сел вместе с Лакшманой и Хануманом в колесницу, и отправились они к пещере, в которой Рама ждал возвращения Лакшманы. Владыку обезьян и сына Сумитры провожали обитатели Кишкиндхи; музыканты трубили в раковины и били в барабаны, а сказители возносили хвалу своему властелину и могучему брату Рамы.

Обезьяны в поисках Ситы

Быстрые кони рванулись с места, в воздухе раздались прощальные крики жителей Кишкиндхи, и несметное войско обезьян и медведей двинулось вслед за колесницей. Топот воинов Сутривы сотрясал землю, пыль поднялась столбом до самого поднебесья, и ни зги вокруг не стало видно. Все окрестности заполнило несметное войско Сутривы; не перечесть и не окинуть взглядом было это обезьянье и медвежье войско. И Лакшмана, верный брат Рамы, был доволен.

Вскоре Сутрива прибыл к пещере Рамы и сошел с колесницы на землю. Он подошел к великому сыну Дашаратхи, встал перед ним на колени, сложил перед лицом ладони и опустил голову к ногам своего могучего друга; и все обезьяны и все медведи сделали то же. И возрадовалось сердце тоскующего Рамы. Он поднял с земли Сутриву, ласково обнял, посадил его с собою рядом и сказал ему: «Благо тебе, Сутрива! Ты хорошо сделал, что пришел ко мне на помощь. Давно уже кончились дожди, давно уже наступила на земле осень, и нельзя нам пропускать благоприятное время. Мы, о государь Кишкиндхи, не можем больше медлить, нам нужно идти на поиски Ситы. Тоска и горе, великая тревога за жизнь беззащитной Ситы ни на миг не дают мне покоя. Не влекут меня к себе ни вода, ни пища, не радуют меня ни солнце, ни цветы и птицы, и нет мне даже ночью покоя. Я должен разыскать царевну Митхилы, мне нужно рассчитаться с Раваной за обиду, и я не могу больше здесь оставаться. Нам с тобой, славный повелитель Кишкиндхи, пора приняться за дело, иначе мы уподобимся тому человеку, который однажды заснул на дереве, а проснулся только тогда, когда упал на землю».

Царь Кишкиндхи ответил Раме так, как должно отвечать преданному другу. Он сказал благородному сыну Дашаратхи: «Я – твой верный друг и союзник, великий Рама. Ты видишь, я свой долг исполняю – я привел сюда к тебе несметное войско, во главе этого войска стоят искусные полководцы. Владей нами! Поступай с нами, как ты считаешь нужным!»

Рама снова обнял Сутриву и, восхищенный преданностью царя Кишкиндхи, сказал ему от всего сердца: «Я не дивлюсь сокрушительным молниям Индры, я не дивлюсь лунному сиянию – все это для меня не диво. Но свет, который приходит от таких друзей, как царь Кишкиндхи, – вот это подлинное чудо. С твоей помощью, великий Сутрива, я уничтожу похитителя Ситы и сокрушу все его царство. И будет на земле наконец спокойно, и не будут ракшасы, бродящие в ночи пожиратели мяса, приносить вред людям».

Так закончилась миром и согласием недолгая размолвка Рамы и Сутривы; друзья и союзники снова обрели любовь и доверие друг к другу, и на душе у них стало спокойно.

Потом Сутрива спросил у великого сына Дашаратхи: «Скажи нам, великий Рама, что нам нужно сначала сделать?» Рама ему ответил: «Нам нужно узнать, Сутрива, жива ли Сита; нам нужно узнать, где Равана прячет мою супругу. А когда мы это узнаем, мы пойдем туда с тобою вместе и назначим день и час для битвы с похитителем Ситы. Теперь тебе все известно, государь Кишкиндхи, ты сам знаешь, что нужно делать. Прикажи своим полководцам, пусть они найдут то место, где злобный Равана укрывает мою супругу».

Тогда Сутрива призвал к себе вождей обезьян и медведей и сказал им: «Ступайте, мои верные полководцы, на юг и на север, на восток и на запад, общитесь всю землю и узнайте, где живет десятиголовый Равана, который похитил любимую супругу моего могучего друга».

Обезьяны и медведи – а было их много сотен тысяч – отправились в путь по приказу Сутривы и разошлись во все стороны света. Государь Кишкиндхи повелел им искать Ситу повсюду, он приказал им обшарить леса, горы и пещеры, все селения, города, реки и озера, осмотреть каждый куст, все холмы и долины и найти то место, где Равана прячет Ситу.

Полководцы Сутривы, выслушав приказ государя Кишкиндхи, направились на поиски Ситы, и каждый, гордясь своей силой и умом, гордясь мощью своей рати, говорил хвастливо: «Я найду Ситу, убью Равану и принесу Ситу сыну Дашаратхи. Я обещаю всю землю, я обшарю леса и горы, я доберусь до глубин земли и океана, и ничто меня не остановит – ни дремучие леса, ни реки и озера, ни горные вершины, ни бури морские; я непременно найду царевну Митхилы, куда бы коварный Равана ее ни спрятал».

Когда полководцы Сутривы ушли на поиски Ситы, царь Кишкиндхи спросил у Ханумана: «О сын Ветра, ты могуч, ты ловок, ты быстр, как Ветер, ты не знаешь преград в этом мире, и все тебе на земле известно. Поразмысли, мой мудрый советник, где можно отыскать прекрасную супругу Рамы!» Великий сын Дашаратхи, могучий Рама, почитал достоинства Ханумана, и он сказал, обратившись к Сутриве: «Нет никого среди подданных царя Кишкиндхи, кто был бы мудрее Ханумана. Наш друг, повелитель Кишкиндхи, сам почитает разум Ханумана. Я верю, что мы отыщем Ситу, если верный советник Сутривы сам отправится на поиски моей супруги». И Рама, сняв с руки драгоценное кольцо, на котором было написано его имя, вручил его Хануману и сказал ему: «Если ты, мудрый Хануман, найдешь Ситу и покажешь ей мое кольцо, то она примет тебя как посла своего супруга и будет смотреть на тебя без всякого страха. Она смело тебе все расскажет и передаст с тобой все, что нужно. Ступай же, Хануман, на поиски Ситы, а мы будем ждать тебя нетерпеливо».

Хануман взял у Рамы кольцо, почтительно поклонился Сутриве и сыновьям Дашаратхи и удалился. Он пошел на юг вместе с войском, во главе которого стоял Ангада, а Сутрива вернулся в Кишкиндху к своим любимым женам. Сыновья Дашаратхи остались в своей пещере дожидаться вестей от полководцев Сутривы.

Через месяц государь Кишкиндхи поехал навестить благородных сыновей Дашаратхи; золотая колесница принесла его к горной пещере Рамы. Братья сердечно встретили Сутриву и сели вместе с ним у горного ручья с чистой и прохладной водою. Они сидели и мирно беседовали, и стали в тот день прибывать к пещере доблестные полководцы Сутривы, посланные на поиски Ситы. Они были на западе и востоке, они ходили па север, они обыскали там всю землю, но не смогли исполнить повеление Сутривы. Они подошли к государю, опустились перед ним на колени, сложили перед лицом ладони и почтительно доложили: «О великий царь Кишкиндхи, мы – твои верные слуги и сделали все, как ты нам повелел. Мы обходили леса и горы, осматривали рощи и горные пещеры, мы побывали па всех островах в океане, ни один клочок земли мы не оставили, не обшарив, но не встретила нам дочь царя Митхилы, прекрасная супруга Рамы. Мы склоняемся перед тобой, великий владыка, мы старались исполнить твое повеление, но, должно быть, не было Ситы там, где мы ее искали».

А Хануман пошел с войском Ангады на юг и все осматривал на своем пути с великим тщанием. Они ничего не оставляли без осмотра, они обошли все горы Виндхья, но тоже нигде не смогли найти Ситу. Тогда они перешли через эти высокие горы, спустились в долину по южному горному склону и пошли дальше на юг к великому океану. Вскоре им встретила на пути пещера, и перед входом в нее Хануман и Ангада остановили свое войско. Пещера была огромная и глубокая, и в ней было темно, как безлунной ночью, и вступать в нее было опасно. Тогда обезьяны встали друг за другом и пошли в пещеру вслед за Хануманом.

Они шли в темноте, держа за руки друг друга, они спотыкались о камни и падали, сбивая друг друга, но Хануман, мудрый и отважный, смело вел их по мрачной пещере. Они шли все вперед и вперед, путь их был долгим и тяжелым, и воины Ангады изнемогали от усталости, голода и жажды.

Но вскоре вдруг перед ними мрак осветился солнечным светом – впереди виднелись золотые деревья с удивительными цветами из драгоценных камней, а за деревьями были водоемы, и плавали в них золотые лотосы и золотые рыбки. А еще дальше стояли дивные дворцы из серебра и золота, и стены их были украшены сверкающими самоцветами и жемчугом. Как кораллы, пламенели повсюду дивные плоды и невиданные цветы, у стен стояли золотые скамьи, и все вокруг сверкало, как лучи солнца. Посреди деревьев, укрытая оленьей шкурой, на золотой скамье сидела подвижница и молча глядела на обезьян Ангады.

Роскошь и богатство этого удивительного сада поразили мудрого Ханумана, и он с почтением поклонился подвижнице. А затем он спросил: «Скажи нам, благочестивая подвижница, что это за край чудесный, куда я

пришел с моим войском, назови нам свое имя. Никогда раньше мы не видали такого чуда, и рассудок наш от изумления слабеет».

Молчаливая подвижница им сказала: «Зовут меня Свайампрабха; я дочь хранителя этого прекрасного сада. Все здесь принадлежит Хеме, небесной деве. У нее был возлюбленный, божественный зодчий, и его звали Майя. Великий Брахма, бог – создатель мира, наделил его чудесным даром, и он построил этот дивный сад и дворец из золота и драгоценного камня. А теперь ты скажи мне, могучая обезьяна, кто вы такие, откуда пришли и куда идете?» И Хануман ей ответил, что идет он с войском Сутривы, повелителя Кишкиндхи, на поиски прекрасной Ситы, любимой супруги доблестного Рамы. Хануман поблагодарил подвижницу Свайампрабху за воду и плоды, которыми она накормила его войско, и просил ее помочь им продолжать их путь.

Свайампрабха сказала Хануману: «Всякий, кто попал сюда, в эту дивную пещеру, в золотой сад небесной девы Хемы, никогда уже не сможет отсюда выйти и должен остаться здесь навечно. Но я помогу вам выбраться из пещеры, если вы согласитесь закрыть глаза и ничего не видеть».

Хануман согласился с требованием Свайампрабхи и приказал своему войску закрыть лапами глаза и слепо довериться благочестивой подвижнице. Свайампрабха взяла за руку Ханумана и повела войско обезьян к выходу из пещеры. Долго они шли по пещере, а потом вдруг подвижница остановилась, пожелала счастливого пути Хануману и его войску и исчезла. Обезьяны остановились, открыли глаза и удивились: далеко позади были горы, нигде не видно было выхода из пещеры, чудный сад с золотым дворцом нигде не был виден, а перед ними сверкали под лучами солнца бурные воды океана.

Встреча с ястребом Сампати

Прошел месяц, а обезьяны войска Ангады так и не нашли нигде прекрасной Ситы. Они обошли всю землю у океана, обыскали каждый клочок земли от высоких гор Виндхья до глубокого моря, но нигде не было супруги Рамы.

Обезьяны Ангады и Ханумана сидели печальные на склоне холма и смотрели на сверкающие воды океана. Они сидели и не знали, что им делать дальше. Сутрива уже ждал от них ответа, но нечего им было сказать своему государю. Они не смели возвращаться без Ситы, Сутрива их отпустил только на месяц, и они нарушили повеление царя Кишкиндхи. Обезьяны боялись гнева Сутривы, и страшно им было возвращаться в Кишкиндху.

Ангада говорил своему войску: «Я боюсь, что Сутрива предаст меня лютой казни. Наш государь неискренен и вероломен, он привык говорить неправду. Однажды он обманул своего царственного брата, а второй раз обманул Раму – он выполнил свое обещание, данное сыну Дашаратхи, только потому, что боялся смерти. Если бы не страшны ему были неотвратимые стрелы Рамы, Сутрива не сдержал бы своего слова. Нет у него в душе благодарности к другу, нет у него милосердия к сыну Валина. Сутрива будет рад избавиться от неугодного ему наследника престола. Поэтому государь Кишкиндхи не простит Ангаде даже малого проступка. Я не сдвинусь с места отсюда, лучше я буду здесь сидеть, страдая от голода и жажды, и дожидаться смерти, но не вернусь в Кишкиндху».

Слова Ангады разжалобили его войско, с плачем окружили обезьяны своего вождя и сказали, что они его не оставят. Напрасно Хануман старался уверить Ангаду, что государь Кишкиндхи милостив к сыну Тары, что несправедливо он обвиняет в жестокости Сутриву, Ангада ему не поверил и решил остаться на берегу океана.

Усталые и голодные, отчаявшиеся обезьяны сидели на траве вокруг Ангады и тихо между собой говорили. В беседе они упомянули имя царя ястребов Джатау, и слова их услышал родной брат друга царя Дашаратхи могучий ястреб Сампати. Он уже давно видел обезьян, сидевших у моря, его уже давно мучил голод, и он намерен был съесть всех обезьян до единой, но рассказ о гибели его мудрого брата смягчил его свирепую душу. Сампати подошел, раскинув крылья, к испуганным обезьянам и сказал им: «Скажите мне, кто вы такие? Откуда вы пришли к океану? Что вам известно о моем брате Джатау? Мой брат любимый дороже мне, чем жизнь. Мой брат обитал в лесу Джанастхана, и я ничего не знаю о его смерти. Расскажите мне все об этом и ничего не таите».

И Ангада рассказал могучему Сампати, как Равана похитил Ситу, как нес ее в золотой колеснице, как Джатау за Ситу вступился и как Равана, кровожадный ракшас, убил Джатау в жестокой схватке. А потом Ангада сказал Сампати, что в поисках Ситы сыновья Дашаратхи встретили в лесу умиравшего Джатау.

«Благородный сын Дашаратхи, могучий Рама вступил в союз с нашим государем, – продолжал Ангада, – и царь Кишkindхи послал нас искать похищенную Ситу. Сроку нам дал Сугрива только месяц. Но мы так и не отыскали Ситу и опоздали возвратиться в Кишkindху. Мы устали от голода и жажды, нас страшит гнев царя Сугривы, и мы решили домой не возвращаться. Вот мы и сидим здесь на берегу великого океана и ожидаем прихода смерти».

Жалобный рассказ Ангады о поисках Ситы, о гибели Джатаю и беды измученных подданных Сугривы тронули душу свирепого царя ястребов Сампати, и он рассказал им про свою жизнь: «Сто лет тому назад мы были молоды еще и сильны с моим братом, и казалось нам, что нет для нас никаких преград в этом мире. Мы думали, что весь мир воздушный нам подвластен, да и на земле с нами никто соперничать не может. И обуяла нас великая гордыня. И тогда решили мы полететь к самому солнцу и покрасоваться в небе рядом с могучим светилом. Стали мы лететь с Джатаю к солнцу, а лучи его жгли нас немилосердно и не позволяли нам подниматься выше. И тогда я пожалел Джатаю, не хотел я, чтобы солнце его сгубило, и прикрыл его своими крылами. И солнце сожгло мои крылья наполовину. И не стало у меня сил держаться на воздухе в поднебесье, и с большой высоты я упал в горы Виндхья и с тех пор не могу подняться в воздух. И вот однажды встретился мне на пути великий подвижник, прославленный мудростью и святостью. Отшельник почувствовал жалость к моим бедам и сказал мне: «Ты не теряй надежды, Сампати, еще будет в твоей жизни радость, ты еще будешь резвиться в небе и летать над землей. Живи здесь на берегу океана и дожидайся лучшего часа. Настанет день, когда к берегу моря придут друзья и союзники лучезарного Рамы, сына великого Дашаратхи. Они придут сюда на край земли к океану искать прекрасную супругу Рамы, и, если ты им, Сампати, чем-либо поможешь, у тебя снова отрастут твои крылья». Наконец-то я дождался своего счастья – я встретил вас, друзья и помощники Рамы, и теперь я смогу взлететь в небо. Я могу вам помочь, я могу вам сказать, куда унес ракшас Ситу. Как-то сидел я на берегу океана и видел, как Равана летел по небу, держа в руках Ситу, а дочь Джанаки горестно кричала: «О Рама! О Лакшмана! Где вы? Спасите Ситу!» Прекрасная супруга Рамы в великом горе срывала с себя золотые браслеты и бросала их на землю, в плену украшения ей были не нужны. Десятиголовый Равана унес Ситу в свою столицу, в большой и богатый город Ланку, окруженный крепкими стенами. Тысячи свирепых ракшасов стерегут его столицу и никого к ней близко не подпускают. Ни один зверь, ни одна птица не могут пробраться на Ланку, злые ракшасы пожирают всех пришельцев. Этот город стоит на острове далеко в море, и окружают его воды морские. Со всего мира тащили ракшасы богатства на Ланку. Дворцы у Раваны золотые, они окружены дивными садами, на крепостных стенах стоят дозорные башни, и в них на страже сидят ракшасы днем и ночью. И есть на Ланке у Раваны прекрасный ашоковый лес. Там в неволе, охраняемая ужасными ракшасами, тоскует и томится прекрасная Сита. В тот лес нет никому прохода, ракшасы никого не подпускают близко, и слуги Раваны мучают там супругу Рамы, истязая ее жестокостью и бранью. Сита же не берет у Раваны ни питья, ни пищи и ни с кем не молвит ни слова».

И пока Сампати рассказывал Хануману и Ангаде и другим обезьянам из их войска, где живет Равана, похититель супруги Рамы, где находится его царство, которое ракшасы зовут Ланкой, у царя ястребов отрастали новые крылья. Они росли у него и крепились и наливались могучей силой. Вот Сампати взмахнул крыльями, поднялся в воздух и улетел далеко в небо, пожелав обезьянам удачи.

Со вниманием и радостью слушали обезьяны могучего Сампати, и ликованию их не было предела. Наконец-то они узнали, куда спрятал Равана Ситу, где находится его богатое царство. Теперь Хануман и Ангада знали, где томится несчастная Сита, теперь они могли порадовать великого Раму и царя Сугриву, теперь смерть им более не грозила. И обезьяны забыли про жажду, про голод, про усталость, и в сердцах у них воцарилась радость. Но возвращаться в Кишkindху было еще рано, надо было еще проверить, правду ли им сказал Сампати, надо было побывать на Ланке и постараться увидеть Ситу, надо было передать ей драгоценное кольцо ее супруга. Но обезьяны не ведали, как это сделать, как им добраться через море на Ланку, как пройти мимо крепких стен и дозорных башен, как отыскать на Ланке Ситу. С берега остров Раваны не был виден, он стоял далеко-далеко в море, а по морю до острова обезьянам было не добраться. Только один путь – по небу – мог привести обезьян на Ланку, но так далеко обезьяны летать не умели.

И тогда спросили обезьяны друг друга, кто из них мог бы прыгнуть на Ланку. Одна обезьяна сказала, что может прыгнуть всего на десять йоджан, а другая сказала, что дальше двадцати ей не прыгнуть, третья сказала, что может прыгнуть на тридцать йоджан, но до Ланки было еще дальше. И тогда Ангада сказал своим воинам, что при его искусстве, при его мощи он может прыгнуть вперед на сто йоджан, но для прыжка обратно у него, наверное, сил не хватит. И снова пригорюнились обезьяны. Видно, не судьба им помочь великому Раме, не обрадовать им своего любимого государя.

Долго обезьяны сидели молча, склонив головы, у берега океана, и наконец одна из них обратилась к Хануману с такими словами: «О Хануман, ты среди нас самый мудрый, ты могучий и отважный воин, ты среди нас самый сильный. Твой отец, бог Ветра, великий Вайю не знает преград своим желаниям. Он мчится над землей, как молния Индры, но и ты, его сын, не уступаешь Ветру силой. Ты своего великого родителя вполне достоин. Никто из нас не может с тобой сравниться всемогуществом и умением прыгать. Только ты, великий Хануман, можешь совершить этот подвиг – прыгнуть на Ланку и вернуться благополучно обратно».

Радовалось сердце Ханумана, когда слушал он хвалебные речи. Лестные слова приятны были сыну Ветра, и, воистину, он был достоин этих восхвалений. Обезьяна говорила правду о Ханумане, он не знал среди своих сородичей себе равных.

Некогда прекрасная небесная дева, обезьяна по имени Анджана, гуляла на вершине горы, приняв человеческий облик и украсив себя цветами и шелковой одеждой. Внезапно на вершине горы подул ветер, и платье прекрасной Анджаны приподнялось. Пленила красота небесной девы могучего Вайю – вспылал он к ней неодолимой страстью. Вайю обнял прекрасную деву могучими руками и сказал ей, испуганной: «Ты не бойся меня, красавица, я бог Ветра, я полюбил тебя, прелестная, пылко и хочу подарить тебе сына, который будет равен мне по силе и умению летать по небу».

Небесная дева Анджана уступила великому богу и вскоре родила могучую обезьяну, сына Вайю, и звали его Хануманом. Он был еще детенышем, совсем малым, когда взвился однажды, играя, в небо и пролетел там три тысячи йоджан. И в небе его увидел великий Индра, царь небесный, рассердился на него и молнией ударил его в челюсть. Хануман упал с неба на горную вершину и долго потом залечивал ушибы. Тогда-то и прозвали его Хануманом, то есть тем, у кого сломана челюсть.

И вот обезьяны сказали Хануману: «Ты держишь, великий сын Ветра, в своих руках нашу жизнь. Только ты можешь прыгнуть на Ланку, и мы обращаемся к тебе с мольбой: сделай это ради Ситы, ради великого сына Дашаратхи, ради спасения наших жизней».

И Хануман дал обезьянам свое согласие.